

Ницше Фридрих

**Человеческое, слишком
человеческое**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф88

Ф88 **Фридрих Н.**
Человеческое, слишком человеческое / Ницше Фридрих – М.: Книга по Тре-
бованию, 2022. – 367 с.

ISBN 978-5-519-99903-8

ISBN 978-5-519-99903-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ровье въ умственномъ смыслѣ, это вѣра въ то, что я *не стою одиноко*, что мои взгляды раздѣляютъ и *другіе*,—производящая волшебное дѣйствіе мысль о томъ, что мои взгляды и стремленія сродни и другимъ взглядамъ и стремленіямъ и сходны съ ними, что я могу отдохнуть, полагаясь на дружбу; мнѣ нужна была слѣпота безъ сомнѣній и вопросовъ, но слѣпота не одинокого чело-вѣка, а такая, которую раздѣляетъ и другой, наслажденіе переднимъ фономъ картины, поверхностью, тѣмъ, что близко, что стоитъ прямо предъ глазами, что имѣетъ цвѣтъ, оболочку, которую можно осязать, словомъ, видимость. Можетъ-быть, меня стануть укорять, что я употреблялъ при этомъ различныя «искусства», приобѣгалъ къ очень ловкой поддѣлкѣ фальшивой монеты, напр., упрекнуть въ томъ, что я умышленно закрылъ глаза, чтобы не видать безотчетнаго стремленія Шопенгауэра къ нравственности въ такое время, когда самъ уже ясно видѣлъ, что такое нравственность; а равнымъ образомъ поставятъ въ вину и то, что я обманулся въ неизлѣчимомъ романтизмѣ Рихарда Вагнера и увидалъ начало тамъ, гдѣ былъ конецъ, а также и относительно грековъ, какъ относительно нѣмцевъ и ихъ будущаго—но, можетъ-быть, такихъ примѣровъ найдется и очень много? Но если даже допустить, что все это правда и что

подобные упреки вполне справедливы, что знаете вы и что вы можете знать о томъ, сколько хитрости, служащей для само-сохраненія, сколько ума и неусыпной бдительности заключается въ подобномъ самообманѣ... и сколько мнѣ *понадобится* еще лжи и фальши для того, чтобы я могъ позволить себѣ роскошь *быть правдивымъ?*.. Довольно! Я еще живу, а основою жизни служить совсѣмъ не нравственность,—ей нуженъ обманъ, она поддерживается обманомъ... но не правда ли, — я, старый противникъ нравственности, ставящій силки для птицъ, снова говорю и дѣлаю то, что я дѣлалъ всегда — говорю противъ всякой нравственности, стою внѣ нравственности, высказываю то, что принадлежитъ къ области «по ту сторону добра и зла?»

2.

Было время, когда я точно такъ же—когда это было мнѣ нужно, — изобрѣлъ для себя и «свободные умы», которымъ посвящается эта пропитанная меланхоліей книга, носящая заглавіе «Человѣческое, слишкомъ человѣческое»: этихъ «свободныхъ

умовъ» нѣтъ въ дѣйствительности и никогда не было, но въ то время они, какъ я уже говорилъ выше, были мнѣ нужны для компаніи, для того, чтобы они оставались хорошими вещами среди другихъ дурныхъ вещей (болѣзни, одиночества, жизни на чужбинѣ, аседіи, бездѣятельности): какъ храбрые товарищи и призраки, съ которыми можно поболтать и посмѣяться, когда у человѣка есть охота болтать и смѣяться и которыхъ можно отослать къ чорту въ томъ случаѣ, если они надоѣдаютъ, — они замѣняютъ друзей, которыхъ нѣтъ. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что настанетъ, наконецъ, такое время, когда появятся эти «свободные умы», что въ нашей Европѣ въ поколѣніяхъ двадцатаго вѣка и послѣдующихъ за нимъ вѣковъ можно будетъ встрѣтить такихъ бодрыхъ и отважныхъ субъектовъ: это будутъ дѣйствительные, живые люди, а не однѣ только схемы, вызванныя фантазіей отшельника, какими они являются у меня. Я уже вижу, какъ они приближаются медленными шагами и, можетъ-быть, съ своей стороны нѣсколько способствую къ тому, чтобы ускорить ихъ пришествіе, такъ какъ я описываю заранѣе, благодаря какимъ обстоятельствамъ они должны народиться и по какому пути они придутъ къ намъ, — не правда-ли?..

3.

Надо думать, что самымъ важнымъ событіемъ въ жизни человѣка такого типа, въ которомъ достигнетъ совершенства «свободный умъ», въ которомъ послѣдній созрѣетъ и сдѣлается сладкимъ, какъ плодъ, будетъ его *полное освобожденіе отъ оковъ*, такъ какъ прежде онъ былъ умомъ связаннымъ и былъ на вѣчное время прикованъ къ своему углу и къ своему столбу. Спрашивается, что же связываетъ человѣка всего крѣпче? Какія узы почти всѣмъ нельзя порвать? У людей высшаго порядка, отличныхъ отъ всѣхъ другихъ заурядныхъ людей, такими неразрывными узами считаются ихъ обязанности: благоговѣніе, свойственное юности, страхъ предъ всѣмъ, что старо, почтенно, достойно уваженія и къ чему они, кромѣ страха, питаютъ и нѣжныя чувства, чувство благодарности къ той странѣ, въ которой они родились и выросли, къ той рукѣ, которая ихъ водила,— самые важные моменты въ жизни человѣка налагаютъ на нихъ самыя крѣпкія оковы, самыя продолжительныя обязанности. Для людей связанныхъ такимъ образомъ великое освобожденіе наступаетъ вдругъ, точно подземный ударъ

при землетрясеніи: юная душа бываетъ вдругъ потрясена, освобождена отъ оковъ, вырвана изъ своей темницы,—она и сама не понимаетъ, что съ ней происходитъ. Ею овладѣваетъ какое-то непреодолимое побужденіе, которое отдастъ ей приказанія; въ ней пробуждаются желаніе и стремленіе, во что бы то ни стало, идти впередъ, все равно по какому бы то ни было направленію; во всѣхъ ея внѣшнихъ чувствахъ горитъ и вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ сильное и при томъ опасное любопытство, побуждающее ее стремиться къ открытію какого-то невѣдомаго міра. «Лучше умереть, нежели жить здѣсь»,—слышится ей повелительный, вводящій ее въ соблазнъ, голосъ: а это «здѣсь», это «дома» и составляетъ все, что она до сихъ поръ любила! Внезапный ужасъ передъ тѣмъ, что она любила и подозрительное къ нему отношеніе, молніеносный взоръ, выражающій презрѣніе къ тому, что она называла своею «обязанностью», мятежничество, своевольное, подобное изверженію вулкана, стремленіе къ странствованію, всему чужому, отчужденію, охлажденію, отрезвленію, закаленію своихъ чувствъ, ненависть къ любви, можетъ-быть, кощунственный взглядъ на прошлое, можетъ-быть, чувство стыда за то, что она недавно дѣлала и вмѣстѣ съ тѣмъ радость, что она это дѣлала, какое-то

упоительное, радостное внутреннее содроганіе, означающее собою побѣду... Побѣду? Надъ чѣмъ? Надъ кѣмъ? Побѣду сомнительнаго свойства, такую, которая не разрѣшила очень и очень многихъ вопросовъ, но все-таки *первую* побѣду: всѣ эти, можетъ-быть, непріятныя и болѣзненныя явленія относятся къ исторіи великаго освобожденія отъ оковъ. Освобожденіе это есть въ то же время и болѣзнь, отъ которой можетъ погибнуть человѣкъ, — оно есть первое проявленіе силы и стремленіе къ самостоятельному опредѣленію своего пути, къ самоощущенію, это стремленіе къ *свободной* волѣ: и какъ болѣзненны бываютъ тѣ дикія попытки и оригинальныя выходки, которыми вышедшій на свободу, освобожденный отъ оковъ человѣкъ хочетъ теперь доказать свою власть надъ вещами! Свирѣпый, онъ бродитъ повсюду; онъ полонъ ненасытной жадности; то, что становится его добычей, должно быть принесено въ жертву его дошедшей до крайней степени напряженія и опасной гордости; то, что его прельщаетъ, онъ разрываетъ на части; все, что онъ находитъ прикрытымъ и спрятаннымъ изъ чувства стыда, онъ выставляетъ напоказъ, при чемъ смѣется самымъ злымъ смѣхомъ. Мы видимъ своеволие и наслажденіе своеволіемъ въ томъ случаѣ, если къ нему попадетъ въ милость,

можетъ-быть, то, что до сихъ поръ пользовалось самою дурною репутаціей,—когда онъ, движимый любопытствомъ, старается проникнуть въ такую область, которая считалась самою запретною. Причину его странствованія и блужданія — онъ чувствуетъ безпокойство и, какъ въ пустынь, не видитъ передъ собой никакой цѣли—надо искать въ вопросахъ, задаваемыхъ ему его любопытствомъ, которое становится все болѣе и болѣе опаснымъ: «Нельзя ли перевернуть *всѣ* оцѣнки? Можетъ-быть то, что мы называемъ добромъ, есть зло? Можетъ-быть все, въ послѣдней своей основѣ, ложно? А если мы обмануты, то не дѣлаемся ли мы, благодаря этому, и сами обманщиками? Не должны ли мы также быть обманщиками?»—Такія мысли ведутъ его все дальше, соблазняютъ его и заставляютъ все болѣе и болѣе удаляться отъ того мѣста, на которомъ онъ находится. Одиночество окружаетъ его какъ кольцомъ, оно становится все грознѣе, все тягостнѣе, благодаря ему, у него все болѣе и болѣе сжимается сердце; одиночество — это ужасное божество и *mater saeva cupidinum...* но кто знаетъ въ настоящее время, что такое *одиночество*?

4.

Но отъ этого болѣзненнаго одиночества, отъ этого проводимаго въ пустынь времени попытокъ еще далеко до полного силъ, бьющаго ключемъ, соединеннаго съ самоувѣренностью здоровья, при которомъ человѣкъ и самую болѣзнь считаетъ только средствомъ добыть истину, до той *зрѣлой* свободы ума, которая соединяется также съ самообладаніемъ и дисциплиною сердца и въ то же время является дорогою, ведущею къ самому большому разнообразію въ образѣ мыслей, часто совершенно противоположныхъ... далеко до того обширнаго умственного кругозора и той чрезмѣрной умственной роскоши, при которой человѣкъ становится избалованнымъ и которая совершенно исключаетъ для ума опасность заблудиться, идя своей дорогой, во что-нибудь влюбиться и сидѣть въ упоеніи, не трогаясь съ мѣста, въ какомъ-нибудь уголкѣ; далеко до того избытка творческихъ, цѣлительныхъ, образовательныхъ и возстановляющихъ организмъ силъ, который служитъ признакомъ *крѣпкаго* здоровья, того избытка, который даетъ возможность свободному уму жить *попыткою* и посвятить себя отыскиванію приключеній: это привилегія

цехового мастерства свободного ума! Между тѣмъ и другимъ періодами можетъ лежать длинный промежутокъ времени, въ который будетъ происходить процессъ выздоровленія, длинный рядъ годовъ, наполненныхъ самыми разнообразными, болѣзненно - волшебными странствованіями, когда человѣкомъ овладѣетъ и будетъ управлять неотступное *желаніе выздоро- вѣть*, которое часто умѣетъ представляться здоровьемъ и надѣвать на себя его маску. Тутъ бываетъ такое переходное состояніе, о которомъ человѣкъ, пережившій его по волѣ судьбы, будетъ впослѣдствіи вспоминать съ умиленіемъ: ему свойственны блѣдный, прозрачный свѣтъ и солнечное сіяніе,—чувство, которое ощущаетъ птица, поднимаясь въ высь на своихъ крыльяхъ, взгляды съ вышины птичьего полета, птичье веселье и какое-то необъяснимое чувство, въ которомъ любопытство смѣшивается съ нѣжнымъ презрѣніемъ. «Свободный умъ»—это холодное слово приносить пользу въ подобномъ состояніи, оно почти согрѣваетъ. Человѣкъ живетъ теперь уже не въ оковахъ любви или ненависти, онъ ничего не подтверждаетъ и ничего не отрицаетъ; онъ по своей доброй волѣ бываетъ то близко, то далеко, но всего охотнѣе исчезаетъ изъ глазъ, уклоняется въ сторону, улетаетъ далеко, го летитъ прочь, то поднимается на крыль-

яхъ въ высь; онъ бываетъ въ этомъ случаѣ избалованъ, какъ всякій, кому когда-либо пришлось видѣть массу самыхъ разнообразныхъ предметовъ съ высоты птичьяго полета, *подъ* собою, и когда онъ представлялъ собою контрастъ съ людьми, заботящимися о такихъ вещахъ, до которыхъ имъ нѣтъ никакого дѣла. А къ свободному уму прямо относятся такія вещи—и какъ много такихъ вещей!—о которыхъ онъ *не заботится...*

5.

Еще одинъ шагъ ближе къ выздоровленію: свободный умъ все ближе подходитъ къ жизни, хотя дѣлаетъ это медленно, почти неохотно, какъ бы съ недовѣріемъ. Вокругъ него становится все теплѣе, свѣтъ солнца дѣлается ярче; чувство и сочувствіе пріобрѣтаютъ бѣольшую глубину, его обвѣваетъ теплый вѣтеръ всякаго рода, производящій оттепель. Ему представляется, что какъ будто только теперь у него открылись глаза на то, что къ нему *близко*. Онъ удивляется и не трогается съ мѣста: гдѣ же это онъ? Эти близкіе и самые близкіе предметы—они какъ будто совсѣмъ